

Все краны текут!

"Пристрачиваю, — думала она и продолжала пристрачивать, лента к ленте, оборки и кружева. Вот и получался солнце-клеш, неуправляемой каруселью отлетающий от талии в шелковом вальсе. — Волнительная окруженность листопадом. Солнце играло на трубе, на губах и в бокалах". Сквозь сон она услышала родное кря-кря — это ее Амур, птица с далеких сказочных островов, будил жутким "прр-пришел к тебе с прр-риветом".

— Привет, любовь моя — прохрипела она спросонок. Зеленая птица под проволочным куполом не шевельнулась.

Выходной. Можно посмотреть новые сонаты, поработать над техникой и дописать мелодию к спектаклю. Ее занимала мысль двигаться в музыке как большая доисторическая рыбина, которая замирает в тональном свете и глядит со цены перемаргивающим эволюцию пуговичным взглядом. Ей грезилась музыка из вымирающих окаменело-вечных мыслей. — Самоирония повседневности? Мелодия-рыба будет плыть жизнью других героев: "Тогда получатся тропики!" — убеждал ее автор проекта.

— Рабы — рыбы, — кружил лакированным клювом Амур.

— Рабы — не мы, немы рабы, — получался мотив. Под попугаев афоризм подошла к зеркалу.

"Два с плюсом, — разочарованно отметила, глядя на термометр за окном. — Через дырку в небесах въехал белый мерседес..." — согласилась, провожая глазами уверенно шагавшего к подъезду мужчину: высокая шляпа, нахлопнутая на затылок, мягкий расстегнутый плащ... "Небрежно и опрометчиво — потому не смертельно", — именно так она отнеслась к нему. А может, к себе? Или к виду из окна?

Через несколько минут, увлеченная музыкой, она услышала звон стекла, лай собак и множественные крики. Были слышны и другие звуки, которые интриговали. Возле тополя, сломанного недавней бурей, в трех метрах от ее окна кричал слон! Зоя никогда не видала на своей улице слонов и поэтому не понимала, кто испугался, она или это вальсирующее рассерженным хоботом лопухое животное. Мужчина в плаще снова был под ее окнами. Он поглаживал морщинистый бок слона и говорил по телефону. Увидев Зою, опустил руку: в его облике обозначилось едва уловимое предвосхищение — он словно сбросил одноразовые пластиковые доспехи сарказма и деловитости и теперь казалось, что огромные, величиной в рассерженного слона, проблемы на миг перестали его волновать. Вокруг собира-

лись прохожие. Ушастый серый великан, которого мужчина окликнул Мусиком, потянулся к дому, но повиновавшись команде, остановился.

Зоя продолжила играть. Вскоре привели Митьку, взбудораженного уличным происшествием. Ему было не до гамм. Зое, впрочем, тоже.

— Зоя Игоревна, смотрите! — вдруг закричал мальчик. Встав на задние ноги, в окно заглядывал Мусик. Первой мыслью было отбежать подальше на безопасное расстояние. Преодолев страх, Зоя вышла на балкон.

— Вы не бойтесь, это ученый слон, его случайно привезли ко мне, ошиблись адресом.

Мусик приподнял мужчину и осторожно опустил у края большой лужи.

— Его отказываются принять в цирк — документы не в порядке. Хотите покататься? — предложил мужчина Зое и Мите.

— Му-у-сик, — вытянулся мальчишка. — Иди к нам!

— Простудиться решил? Куртку накинь! — она обняла ребенка. В ноябре мир закутан шарфами, утеплен, застегнут на все пуговицы — месяц на подкладке; а Зоины движения прозрачны, шея и плечи незащищены — хотелось предложить ей теплый плед, обратиться к ней, попросить о чем-то, чтобы убедиться, что она настоящая, живая. Ребенок смешно удерживался на хоботе, чем доставлял немалое удовольствие слону.

— Это за нами! — крикнул мужчина в плаще. — Я, в общем, адвокат, а не наездник, — он робко улыбнулся и окончательно утратил дискретность — Жизнь искренне и доверчиво смотрела ему в глаза. — Егор.

— Зоя, — улыбнулась она.

— Мусик — это такой особый случай! Мы его малышом оформляли из Бомбея, он рос на моих глазах. Животные привязчивы. До свидания! — сказал, поклонившись Зое и Мите.

Затаив дыхание от новой нежности, она смотрела вслед и не замечала ничего, кроме человека в шляпе и трясущегося рядом животного. Центр гравитации — это отсутствие суеты. Центробежная сила создает взгляд. Мир кружился, размывая рамки привычного, вокруг странной сцены — "по улицам слона водили..."

Показалась карета "скорой помощи". Далее следовала пожарная и еще какое-то транспортное средство с высокой клетью для крупногабаритных живых грузов. Мусика увезли.

Митя не хотел возвращаться к гаммам. Ему нравилось, когда они сидели перед открытым пианино, и Зоя его просто слушала. Даже в самом непонятном возрасте это важнее техники исполнения. Оказалось, что "прошлую музыку" они с бабушкой пропустили, потому что он спрятал-

ся над мусорными контейнерами, чтобы "смотреть наркоманов", а потом испугался и не вышел, пока бабушка его не нашла. Идти к Зое Игоревне было поздно.

Дальнейший Зоин день прошел как по нотам. Она любила оставить пять минут, чтобы покрутить педали, сменить прическу, фиником нарушить диету. К вечеру наступило чувство перламутровой серости: запястья чернели от серебряных браслетов, под ресницами дрожали лиловые сумерки; пронизанные северным ветром тучи отвисли над вечерним домом. Она знала за собой этот грех: жадность и тщеславие превращают вольный день в обморок усталости, когда ничто кроме решенных дел не радует, и хочется только плавать коленями в ванне, а потом махровым китом выброситься на кровать и тихо слушать высыхающее в волосах время.

"Неужели я выброшусь на берег, лишь бы не плыть против течения?"

Неделя текла сгущенным молоком из чайной ложки, всякая радость была как из супермаркета — составлена по списку, чтобы не забыть, и со скидкой, потому что в сезон... это была удачная неделя. За ней пришла другая. И еще одна. Оборки жизни. Круговерть. Она бегала на репетиции, навещала родителей, играла с Митькой, записывала музыку... и только единожды замирала на лестнице, когда мимо нее мелькала закрытая дверь, за которой жил Слон, — именно так она относилась к Егору, с нежностью.

Это была очень спокойная дверь. Ею не хлопали раздраженно. За ней не кричали. Никто не вываливался из нее шумной гурьбой. В нее даже не звонили. Только замок перещелкивал эхо парадного, и в наступающей на мир осенней темноте загоралось окно, протестуя против ранней темноты.

После аттракциона с Мусиком прошло более месяца. Они мельком встречались: "здрассьте!" — шелчком выбивало сонливость, и в удачно настроенный день то Зося, то Слон пролетали над ступеньками, окрыленные радостью встречи. Убегая, она весело спрашивала, как Мусик, а он шутил, что слоны романтичные и влюбчивые. Они не останавливались и не заглядывались друг на друга; становясь с каждым днем ближе, не сближались, поскольку впереди был большой листопад и много дождей, гололед в сочельник и рождественский снежок, и вообще вся жизнь... Казалось, что исполненная внутреннего ритма неспешность, естественная и потому взаимная, импонировала обоим.

Но однажды Зое надоело жить в неотапливаемом доме. Надоело еже-

дневное утро в рамке с вежливой этикеткой: "Не пара". Надоел вылетающий Слон. Однажды она проснулась и загадала, что ей удастся что-нибудь изменить: "Инстинкт самосохранения убивает личность!" — решила и включила ледяной душ!

В ярком осеннем настроении выбежала из дома и столкнулась с Егором. Точнее... с его спутницей, стоявшей в том месте, куда с верхних ступенек в эти минуты слетала Зоя. Едва не произнесла привычный "привет индийским слоникам", она зашнулась о сладкий запах, сделалась нелепой и женственной, как будто рот ей закрасили помадой, и ровно прошла мимо:

- Здравствуйте, Зоя! — окликнул Слон.
- Здравствуйте, — улыбнулась его спутница.
- Здравствуйте, — отозвалась лестница Зоиным эхом.

"Как быть? Как теперь быть?" — у Разочарования теперь есть собственное имя и взгляд, темперамент и непредсказуемый мужской характер; у него, наконец, свободная и очень личная жизнь, в которой Зоя почувствовала себя удивительным осенним листом, который долго кружился, вальсировал, радовал, заворачивал и, наконец, упал...

Она точно знает, что следующее утро будет сегодняшним, и будет невыносимо. Она не сможет больше радоваться тому, что казалось частью ее жизни. Когда-нибудь у нее все будет хорошо...

Однако Разочарование, как магнит, притягивало самые мрачные мысли:

- Придется пораньше выходить из дома?
- Нет, лучше попозже.
- При встрече улыбаться и отводить глаза?
- Участливо поддерживать разговор?
- Возможно, попросят больше не играть рано утром, — и она согласится, только бы знать, как может она незаметно исчезнуть из этой глупой иллюзии!

— Лучше провалиться сквозь пол, чем... — "кажется, это я произнесла?" — подумала Зоя и почувствовала прилив странного шального оптимизма. Быстро прошла по квартире. Потянулась за долгим шарфиком, обмоталась им, что туникой:

- Решено!

Через несколько дней, когда соседи разбежались, Зоя подошла к краю. Частые капли бесшумно ударялись об умывальник. В сердце образовалась целая нота — нет, нотный такт, вечный, как мировой океан. В во-

семь лет она провалила свое первое выступление на концерте из любопытства, чтобы узнать, что такое провал, которым ее пугали три долгих детских года.

Она подняла руки над клавиатурой и стала слушать тишину, оставшуюся от ее простенького этюда. Вот это и был провал! Оглянулась в зал. На нее смотрели другие одаренные дети и их родители. "И вовсе не страшно, даже хорошо", — подумала. Теперь ей не будут доверять педагоги, промолчит бабушка, хихикнет брат. Только что она убила себя. Смертельное напряжение заканчивается смертью. Так, где она остановилась? Доиграть и уйти. Но мелодия потекла легко, сказочно, не боясь тишины, оставляя в ней каждый звук. Закончила, поклонилась, ушла. Вот что она сделала в восемь лет.

Вот какой страх бился в ней четверть века спустя! Открыв воду, она без оглядки выбежала из дому.

Такси привезло ее в старый город, на улицу самых интересных магазинов. "Инфузорию видно по тувельке", — любила шутить Зоська. Выбор обуви отвлекал и занимал настолько, насколько поиск формы может унять мятежное содержание... особенно в зеркалах, когда вы ищете удобную гармонию на размер меньше...

Спустя несколько часов она побродила вокруг дома, вдыхая непредсказуемую встречу и становясь веселее от ветра, как от кокаина, понимая, что нельзя заплатить дорожке за желание обратиться к другому человеку, за шанс быть рядом, понять и почувствовать его. Чувство юмора вдруг оказалось важнейшим и единственным из чувств. Если бы не оно, валяться ей в песочнице в обмороке.

Пора подниматься. Ступенька к ступеньке, как на эшафот, в собственную квартиру.

Придя домой и убедившись, что визита Егора не миновать, привела в порядок волосы, надела новые туфли на каблучке и стала убирать воду. "Титаническая картина!" — улыбнулась в зеркало.

Когда интерьер приобрел необходимый послепотопный вид, Зоя не усидела сложа руки и решила аккомпанировать Рахманиновым.

Она отупела от авантюризма и ужаса и теперь не знала, что скажет Егору, соседям, родителям. Ведь эта крохотная квартирка — их главная гордость; скромные люди, прожившие сорок лет вместе с Зойкиной бабушкой, изо всех сил старались сделать своей девочке "отдельное жилье", чтобы она не была бесприданницей; и теперь Зоя, как варвар, разрушила

их мечту, в которую едва успела въехать... как сможет она врать, что это произошло случайно?!

Раздался беспокойный прерывистый звонок. Что делать? Что сказать Егору, если он стоит за дверью? Но в это время он обычно на работе... Тогда кто это? Неужели вода ушла в сторону, и теперь Зоя будет делать ремонт в квартире собаководов-любителей? Бог шельму метит?! Ведь совершенно ясно, что сейчас она дома — значит, должна открыть? Не повинаясь голосу разума, она продолжала играть. Кровь не доходила до ледяных подушечек, и дыхание сделалось легким... Это безумие! Стаккато, как спрей, брызнуло и растворилось в паузе. Зоя запнулась. Грозный стук в дверь прекратился.

Жизнь объективна тем, что ни на миг не останавливается, даже если ты с грохотом барабанишь по клавишам, словно борешься с гениальной сонатой, потопившей твои надежды; скрываешь от настенных ушей истину — все тщетно. Вытекая, звуки выдают тебя. Рахманинов понимал Зойку, и в отчаянной музыке она, зажмурившись, беззащитно пряталась, как мальчик Митя за мусорный ящик.

Наконец расслабилась и прошла к двери:

— Вам помочь? — на пороге стоял Егор, а за его спиной Зоина ровесница, мать-героиня, собачница и морячка Рита:

— Зоинька, детка, это не ты нас поливаешь?

— Это я... — только и успела сказать Зоя. Рита ураганом неслась к санузлу и громко ныла:

— О, над нами заигрались! А мы закончили ремонт, муж впервые со спокойным сердцем ушел в рейс, — она осуждающе глядела то на пол, то на Зою, оценивая масштабы бедствия, — такое озеро, наверное, долго отыгрывать придется... А ты так музыкой увлеклась, что не заметила? — Рита окатила Зою сочувствием, и та покраснела.

Теперь речь шла о ремонте, мастерах, материалах... Зоя была потоплена... она ничего не могла добавить к этому деловому разговору и безучастно стояла рядом, чувствуя себя бессильной и глупой. Если сейчас откроется, что этот потоп — всего лишь отчаянный авантюрный способ стать ближе любимому человеку, наверное, вызовут скорую помощь и куда-нибудь ее увезут? Наконец Егор обратился к ней:

— Зоя, это произошло случайно, вы не виновны, и не беспокойтесь, мне ничего компенсировать не надо. Рита, оцените, насколько мы с Зоей вместе постарались. У меня ведь трубы давно текли, из-за них у вас началась бы сырость... — Егор смотрел на Зою.

— Егор, я сама!.. Это *мой* потоп! — сломанно, поникшим голосом призналась она.

На лестнице раздался громкий взрыв. Это Ритин младший сын вернулся из школы и поджигал пистоны. За ним последовал истошный хоровой лай.

— Ох, это мои! — Рита мелькнула лысыми шлепанцами и исчезла.

— Мне искренне жаль, что так вышло, Егор, — сказала Зоя. Как же плохо она себя знает, если думала, что любую интригу она сможет развить в драматический хэппи-энд.

— А как вышло?

— Спонтанно!

— Как у Рахманинова?

— Как у Мусика...

— Тогда, наверное, это... гениальный потоп! — рассеянно оглядываясь по сторонам, улыбался Егор.

Она села на крохотную кушетку и обхватила в отчаянии голову руками:

— Знаете, Егор, я чувствую, что схожу с ума от этой безнадежности и беспросветности!

— Вы?! Знаете, я всегда вас слышу, Зоя. Даже когда вы раздумываете, что сыграть... и безупречно выбираете ту мелодию, под которую хочется проснуться и жить. Иногда под утро я тихо лежу и жду вас, вашу игру, и не просыпаюсь. Я понял, что мне это необходимо. А перед уходом на работу я опять хочу вам обрадоваться — иначе утро пропащее... Уж кто-кто, Зоя, милая, но вы — не беспросветны! Даже ваши ученики играют как-то похоже на вас, вы учите их не просто представлять серебряный дождь, но гулять под ним... Я видел, как мальчик, который учится у вас, поднимаясь по лестнице, перешагивает ступени; воображая, что это клавиши, он следует некой мелодии... Вы, ради Бога, не расстраивайтесь из-за кранов, Зоя, мы с вами что-нибудь вместе придумаем, ладно?

— Но ведь хозяйке в вашей квартире теперь столько хлопот!..

— Это моя сестра!

— Д-та, — смогла сказать смущенная Зоя. Если стойкий цветочный запах превратился в сестру, значит, этот потоп не был таким уж бессмысленным актом вандализма? Значит, мир не рухнет от ее эксцентричности?! — Знаете, я почувствовала себя такой слабой и подлой, и не смеющей надеяться... Этот потоп... мне страшно, что со мною будет дальше... — озираясь вокруг, только бы не встретиться взглядом с Егором, она тихо заплакала.

— Дальше будет ремонт, Зоя. И мы, наконец, обрадуемся, что квартиры в нашем доме маленькие, и будем убегать куда глаза глядят от запахов краски и ацетона. Зоя, — совсем близко сказал Егор. — Мы с вами в шаге друг от друга и всегда так далеко...

— Мы в шаге от самых разных чувств... — подхватила Зоя, но он не дал ей выразить всех сомнений, переполнявших ее сердце:

— Не поверите... я обрадовался, когда Рита сказала, что надо подняться... к тебе; потом страшно испугался, — не было паузы важнее, чем та, которая наступила, когда они смотрели в глаза друг другу. Он обнял Зою. — А давай мы наш, мы новый мир построим?!. Вот ты и улыбнулась!

— Никогда! Никогда не шути революцией, не бунтуй против судьбы, не прогнозируй Жизнь — ситуация может выйти из-под контроля, — она окинула мутным взглядом квартиру, обнаруживая все новые последствия своего отчаянного авантюризма. — И обещаю, что примешь мою помощь, какой бы мизерной она ни была...

— Обещаю. Я хочу обещать тебе весь мир, всю его любовь, потому что с тобой могу исполнить любое обещание, любой проект, потому что даже потоп у тебя вышел с любовью!

И был ремонт, который каруселью закружил их на долгие недели и месяцы... Были концерты и ученики, зеленый Амур и Любовь, как доисторическая мелодия моря — бездонная и непредсказуемая. Они вместе сочинили музыку-рыбу к проекту, которая вдохновила их отправиться в Индию, на родину слонов. А вернувшись, они еще оригинальнее и сильнее любили друг друга!

